

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

Ю. В. МАКСИМОВ

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК ОБ ИСЛАМЕ

Предложенная статья преследует цель обратить внимание на место прп. Феофана Исповедника в ряду ранних полемистов с исламом — тема малоизученная, хотя преподобный является одним из ранних и самых оригинальных авторов в этом ряду. Поскольку житие прп. Феофана и его сочинение не столь широко известны читателю, мы позволили себе, придерживаясь традиционной схемы патрологических курсов, предварительно сказать несколько слов о его биографии и творческом наследии.

1. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Основным источником по биографии прп. Феофана является «Житие», написанное патриархом Константинопольским Мефодием (842—847)¹.

Прп. Феофан родился около 760 г. в семье благочестивых родителей, в раннем возрасте он остался сиротой. Его отец, Исаак, был знатным византийским чиновником, стратигом фемы Эгейского моря, и, несмотря на приверженность иконопочитанию, находился в такой доверии у императора-иконоборца Константина V (741—775), что он лично позаботился о

¹ Латышев В. В. Мефодия, патриарха Константинопольского, Житие прп. Феофана Исповедника. Петроград, 1918. С. 1—40 (греч. текст и рус. пер.).

том, чтобы рано осиротевший Феофан получил хорошее образование.

Уже в юные годы Феофан занимает высокие государственные должности: при Льве IV (775—780) он был назначен стратором и вскоре получил титул спафария. При том же императоре Феофан вступил в брак с Мегало, дочерью византийского патриция Льва. Брак был недолгим: после смерти императора Льва супруги по взаимному согласию посвятили себя монашеской жизни.

В монастыре Полихнион (Πολίχνιον) у горы Сигриан прп. Феофан принял иноческий постриг, основным его послушанием было переписывание книг богословского содержания. Впоследствии прп. Феофан был игуменом монастыря «Великое поле» (Αγρός) у г. Сигриан, развалины которого сохранились до наших дней на побережье Мраморного моря, между Кизиком и устьем Риндака, а также основал несколько других монастырей. Житие указывает, что прп. Феофан принимал участие в VII Вселенском соборе в Никее (787 г.), но его имя не встречается среди имен игуменов и архимандритов, подписавших деяния собора. В противоположность студитам, он занимал умеренную позицию св. патриарха Тарасия в разногласиях по поводу расторжения брака Константина VI (780—797)².

В 815 г. с возобновлением иконоборчества при Льве V (813—820) прп. Феофан был вызван императором в Константинополь, где ему было приказано отречься от иконопочитания. За отказ подчиниться он был заточен в тюрьму. Перед этим прп. Феофан победил в диспуте будущего иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика (832—842). После полуторагодичного заключения преподобный был сослан на о. Самофракию. Он умер 12 марта 817 г., через месяц после прибытия на остров. После смерти Льва V ученики прп. Феофана вновь отстроили его монастырь, сожженный иконоборцами.

² Чичуров 1980. С. 17. Сведения о биографии преподобного взяты нами преимущественно из этого источника.

2. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О СОЧИНЕНИИ

Единственное сочинение прп. Феофана — «Хронография» — было составлено им как продолжение оставшейся незаконченной всемирной хроники его друга Георгия Синкела, по настоятельной просьбе последнего. «Хотя Феофан и подчеркивает случайность своего обращения к истории (он уступил лишь просьбам умирающего Георгия), им создан один из значительнейших памятников византийской историографии. Рассказ начинается там, где остановился Георгий, — с 284 г., и доходит до 813 г.»³

Помимо византийской истории, в «Хронографии» описываются крупные политические и религиозные события в жизни персов, арабов, других варварских народов. Это очень значительный памятник византийской историографии, которому во многом следовали последующие византийские историки. Его особая научная ценность заключается в описании тех событий, которые неизвестны нам по другим источникам.

Прп. Феофан Исповедник — первый и единственный из византийских хронистов создал строго анналистическое повествование⁴. Его «Хронография» дает наиболее полное изложение византийской истории VII—VIII веков.

Прп. Феофан сообщает очень много сведений об арабских завоеваниях, истории халифата и взаимоотношениях византийцев с мусульманами. Для заявленной нами темы особый интерес представляет небольшой отрывок из «Хронографии», посвященный зарождению ислама, — он начинается с года смерти Мухаммеда, который прп. Феофан относит к 622, помимо этого различные указания на религию арабов разбросаны по всему последующему тексту.

Необычайная осведомленность прп. Феофана как в исламе,

³ Чичуров 1980. С. 18.

⁴ Любарский Я. Н. Сочинение продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание // Продолжатель Феофана. СПб., 1992. С. 215.

так и в истории халифата неоднократно обращала на себя внимание. Вопрос о том, каким образом могли попасть к нему точные детали сведения из арабской мусульманской традиции, до сих пор является спорным и загадочным.

Традиционно считается, что в этих вопросах прп. Феофан Исповедник опирался на некую несохранившуюся сирийскую православную летопись VIII в. Британский византист Е. Брукс на основании совпадения «Хронографии» со многими сирийскими хрониками установил использование Сигрианским исповедником серии утраченных сиро-христианских летописей начала, середины и конца VIII века⁵. Праудфут выдвинула предположение о том, что проникновение арабского материала в греческую традицию, выраженную у прп. Феофана, происходило через посредство сирийского источника⁶.

Обратившись к этому вопросу, Конрад показал всю его сложность и неоднозначность. Он обратил внимание на то, что, хотя сирийские исторические тексты часто содержат те же самые примечания об исламе, что и у прп. Феофана, в арабских источниках описание тех же самых событий совпадает с ним в гораздо большей степени и, таким образом, «эти арабские рассказы представляют более сложную историографическую проблему»⁷.

Аналогичные рассказы в мусульманской исторической традиции появились в «Сирате» — биографии «пророка», составленной Ибн Исхаком в начале VIII в., но большая часть других мусульманских известий, записанных прп. Феофаном, нашли отражения в арабских источниках уже после смерти прп. Феофана (у таких историков, как ал-Калби (ум. 819), ал-Вакиди (ум. 823) и ал-Мадаини (ум. 839)).

Очевидно, что так называемые восточные источники прп. Тео-

⁵ *Brooks E. W. Sources of Theophanes and the Syriac chronicles // Byzantinische Zeitschrift* 15, 1906. P. 578—587.

⁶ *Proudfoot A. Sources of Theophanes for the Heraclian dynasty // Byzantinon* 44, 1947. P. 406.

⁷ *Conrad* 1990. P. 7.

фана включали арабо-исламские материалы, и согласие между «Хронографией» и арабскими источниками проистекает из факта, что прп. Феофан в этих случаях зависим от исламской традиции⁸.

Например, пассаж «Хронографии» о генеалогии арабов от Авраама демонстрирует прекрасную осведомленность о происхождении крупных племен Аравии и их генеалогическом отношении между собой. Однако подобная систематическая генеалогия появилась только во времена ислама и под его непосредственным влиянием.

На основе значительных текстовых соответствий и точек соприкосновения «Хронографии» с Анонимной Сирийской хроникой 1234 г., Конрад, как и ранее Брукс, предполагает, что источником явилась несохранившаяся сирийская хроника, обильно излагавшая сведения на основе арабо-мусульманской традиции⁹. В свою очередь, Панченко обращает внимание на то, что в «Китаб аль-Унван» Агапия Манбиджского в отрезке, описывающем VII—VIII вв., около 65 процентов сведений имеют прямые параллели с трудом прп. Феофана¹⁰, что чисто теоретически не исключает существование арабских христианских источников.

Каковы бы ни были источники прп. Феофана, очевидно, что последующие византийские историки не были с ними знакомы, но зависят от «Хронографии»¹¹, и она, таким образом, сыграла решающую роль в передаче материала из арабских источников в официальную византийскую традицию. «Метод, которым эти материалы были переданы Феофану, сложно определить окончательно»¹².

Вся «Хронография» была переведена на русский язык в XIX

⁸ *Conrad 1990*. P. 9.

⁹ *Conrad 1990*. P. 40.

¹⁰ Панченко К. А. Источники летописи Агапия Манбиджского по VII—VIII вв. // <http://orient.pu.ru/conferences/april1999/044.html>.

¹¹ *Conrad 1990*. P. 34.

¹² *Conrad 1990*. P. 43.

веке В. И. Оболенским и Ф. А. Терновским¹³, однако перевод этот был выполнен на не очень высоком уровне, что признавали и сами переводчики в предисловии к изданию. И. С. Чичуров сделал новый перевод, отдельные фрагменты которого вместе с его комментариями и предисловием были не так давно изданы¹⁴. Поскольку перевод интересующей нас главы пока что не издан, ниже мы предлагаем свой вариант перевода.

3. МЕСТО ПРП. ФЕОФАНА В ВИЗАНТИЙСКОЙ АНТИИСЛАМСКОЙ ПОЛЕМИКЕ

Влияние прп. Феофана на последующую антимусульманскую полемику и на восприятие в христианском мире религии арабов велико и вполне сопоставимо с влиянием прп. Иоанна Дамаскина. Хотя прп. Феофан, по-видимому, был знаком с антимусульманским трудом прп. Иоанна Дамаскина¹⁵ (100 глава из книги «О ересях»¹⁶), но в выбранном материале, в оценках и трактовках он совершенно самостоятелен. Именно благодаря этому два этих труда органично дополнили друг друга и явились основными источниками для византийских представлений об исламе. Сведения и мысли прп. Феофана об исламе оказали влияние и на латинский мир посредством перевода «Хронографии» на латынь, выполненного в конце IX века Анастасием Библиотекарем¹⁷. Отчасти его «Хронография» повлияла и на арабоязычных христианских хронистов. Так, например, в арабской «Хронике» Бар Хебреуса в качестве одного из источников информации являлась «Хронография» Сигрианского исповедника.

¹³ Летопись византийца Феофана / Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1887.

¹⁴ Чичуров 1980.

¹⁵ *Khoury* 1969. P. 109.

¹⁶ *Johannes Damascenos*. Schriften zum Islam / *Corpus Islamo-Christianum*. Series Graeca. T. 3. Wurzburg, 1995. S. 74—84 (далее — CISC. SG).

¹⁷ *Khoury* 1969. P. 108.

Круг источников, использованных прп. Феофаном по интересующей нас теме, не ограничивается упомянутой несохранившейся восточной летописью. Говоря о возможных византийских источниках, оказавших идейное влияние на сведения «Хронографии» об исламе, следует отметить, что прп. Феофан является, возможно, единственным из древних авторов, кто обратил внимание на высказывания прп. Анастасия Синаита о религии арабов. Так, он не только воспринял предложенную синайским отцом общую мысль о возникновении ислама как наказания за грехи православных, но прямо цитирует фразу из «3-го слова»: «Между тем, как возмущали Церкви и цари, и нечестивые иереи, восстал на поражение Христова народа пустынный Амалик»¹⁸ (ср. «и внезапно восстал пустынный Амалик поражать нас, народ Христов»¹⁹). «Выраженная в данном пассаже Анастасием Синаитом провиденциальная оценка событий вполне соответствовала собственным взглядам самого Феофана на этот счет, потому он и процитировал его»²⁰. Также прп. Феофан использовал не дошедшее до нас антимусульманское сочинение прп. Иоанна Дамаскина, посвященное мученичеству св. Петра Маюмского. Он упоминает и кратко излагает его под 734 г.

Рассказ св. Феофана о жизни и вероучении Мухаммеда отличается от повествований его литературных предшественников — прп. Иоанна Дамаскина и Феодора Абу Курры²¹. Примечательно, что прп. Феофан помещает свой отрывок, посвященный Мухаммеду, в год смерти последнего, тогда как упоминать его в соответствии с годами «правления над арабами» он начинает за-

¹⁸ *Theoph. Chronographia*. T. I., P. 332.

¹⁹ *Anast. Sin. Sermo 3*, PG 89, 1156C.

²⁰ *Кривов М. В.* Феофан и Никифор о начале арабских завоеваний // Византийский временник. № 43. 1982. С. 221.

²¹ Видный православный богослов и миссионер на арабском востоке, епископ Харрана, примерные годы жизни 750—830 гг. Подробнее см.: *Максимов Ю. В.* Феодор Абу Курра и его место в истории ранней православной полемики с исламом // Богословский сборник ПСТБИ 10. 2002. С. 114—123.

долго до этого — следовательно, он полагает, что имя основателя ислама вполне знакомо современному ему образованному византийскому читателю и не нуждается в объяснениях.

Как верно заметил Конрад, значительная часть приводимого Феофаном материала не историческая, а явно полемическая²². В целом изложение материала последовательно и строго логично. Прп. Феофан дает родословную арабов (даже упоминает разделение арабских племен на две группы, происходящих от разных потомков Измаила), описывает их образ жизни (занимались скотоводством, жили в палатках, торговали верблюдами), географически локализует место обитания (в пустыне Мадиамской).

После рассказа о происхождении он говорит о социальном положении Мухаммеда — был беден и сирота, хотя и относился к «родовитому племени». Далее повествуется о женитьбе на Хадидже. Она была богатой вдовой, родственницей Мухаммеда, у которой он первоначально работал. Прп. Феофан справедливо отмечает повышение социального статуса Мухаммеда после женитьбы на Хадидже.

Уже прп. Иоанн Дамаскин говорил, что Мухаммед «случайно познакомился с Ветхим и Новым Заветом»²³. Прп. Феофан уточняет, где и как это произошло — во время похода с караваном в Палестину. Общение будущего «пророка» с христианами во время походов с караванами описывает и Ибн Хишам²⁴, только вместо Палестины в мусульманских преданиях называется Сирия.

Интересно, что прп. Феофан отмечает ту же пассивность Мухаммеда в деле возникновения ислама, какую мы видим и в мусульманских источниках: его пророческая миссия устанавливается на совещании Хадиджи с братом — Варакой, который, воз-

²² Conrad 1990. P. 18.

²³ CISC. SG. T. 3. P. 74.

²⁴ Ибн Хишам. Жизнеописание пророка Мухаммеда / Пер. Н. А. Гайнуллина. М., 2002. С. 49.

можно, был монахом²⁵: за него решают, что произошедшее было явлением ангела, свидетельствующим, что Мухаммед является пророком, сам же он в создании этой концепции не принимает личного участия.

Прп. Феофан предлагает свое объяснение пророческих притязаний Мухаммеда: он первым из христианских авторов указывает на заболевание эпилепсией как на ключевой момент в возникновении ислама. Это отлично от взглядов прп. Иоанна Дамаскина, который, по-видимому, полагал, что тот сознательно вводил в обман своих последователей, и от взгляда Феодора Абу Курры, который объяснял появление ислама одержимостью его основателя. Указанные три варианта — эпилептик, обманщик и одержимый — стали основными точками восприятия Мухаммеда в христианском мире на многие века, вплоть до нового времени. Впоследствии они нередко сочетались в умах христиан²⁶, хотя изначально это были три разные концепции.

Прп. Феофан, как мы уже говорили, был знаком с сочинением прп. Иоанна Дамаскина и сведения о влиянии на Мухаммеда некоего монаха-еретика у них совпадают²⁷. Однако несмотря на то, что ему было известно, что Дамаскин назвал этого монаха арианом, сам прп. Феофан воздерживается от такого определения.

²⁵ Имеющиеся у нас ранние мусульманские источники (прежде всего, Ибн Хишам и ал-Бухари) не называют Вараку монахом, вместе с тем они подчеркивают, что он был не просто христианином, но христианином грамотным и образованным — а в то время и, особенно, в той среде для религиозного араба получить хоть какое-то образование можно было лишь через монастырь. Поэтому вовсе не исключено, что Варака действительно был монахом, не исключено также, если он и не был монахом, что его современники и, впоследствии, некоторые мусульмане могли по причине его образованности воспринимать его как монаха или говорить о нем как о монахе. Это, кстати, могло бы объяснить происхождение благоприятных отзывов о монахах, встречающихся в ранних сурах Корана.

²⁶ См., напр.: *Прп. Максим Грек. Слово обличительное против агарянского заблуждения и против измыслившего его скверного пса Магомета* // Творения. Т. II. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.

²⁷ CISC. SG. Т. 3. Р. 74.

Это расхождение было очевидно уже для Георгия Амартола, который, цитируя текст прп. Феофана, дополняет его эпитетом Дамаскина: «монах-арианин». Почему же сам преподобный избегает этого, столь соблазнительного для последующих византийских авторов, определения? Возможно, ему было известно мнение прп. Анастасия Синаита о влиянии монофизитов на религию арабов²⁸. На наш взгляд, столь существенное расхождение в трактовках двух авторитетных писателей вполне могло бы послужить основанием для опущения подробности такого рода: монах-еретик не мог ведь одновременно быть и арианином и монофизитом!

Прп. Феофан указывает, что иудеи вначале приняли Мухаммеда за Мессию (здесь видна зависимость от мусульманских источников, которые постоянно включали подобные истории, чтобы обосновать вселенскую миссию «пророка»). Говорит о переходе десяти выдающихся иудеев в ислам, косвенно упоминаются споры Мухаммеда с иудеями по вопросу о исполнении Моисеева закона. Обращенные иудеи, разочаровавшись в Мухаммеде, но боясь оставить его религию, научили его различным нечестивым мыслям о христианах и христианстве. Среди мусульманских авторов точной параллели этому рассказу нельзя найти, если не считать сообщения Ибн Исхака о восьми (!) иудеях, которые приняли ислам, но лицемерно²⁹.

Интересно, что тот же мотив встречается и в иудейской средневековой литературе. На еврейском языке первое упоминание его находится в антикараимском трактате X в. Здесь говорится о том, что десять иудейских старейшин внешне приняли ислам, «ради спасения народа Божия», чтобы Мухаммед «не вредил им своими ложными обвинениями»³⁰. Также эта история фигуриру-

²⁸ *Anast. Sin. Hodegos* 10, PG 89, 169BC.

²⁹ *Hoyland R. G. Seeing Islam As Others Saw It: A Survey And Evaluation Of Christian, Jewish And Zoroastrian Writing On Early Islam. Princeton, 1997. P. 505.*

³⁰ *Mann J. An Early Theologico-Polemical Work // Hebrew Union College Annual. Vol. XII—XIII, 1937—1938. P. 432.*

ет в иудейской арабоязычной литературе. В одном анонимном полемическом сочинении говорится, что «десять мудрых евреев» лицемерно обратились в ислам и помогали Мухаммеду в составлении Корана, закладывая в его текст скрытые указания на порочность и фальшь ислама³¹. В последней версии эта история фактически целиком совпадает с тем, что изложено у прп. Феофана, однако указание на антихристианский характер деятельности еврейских лицемеров свидетельствует, что она прошла христианское осмысление, прежде чем попасть на страницы «Хронографии».

Особое внимание в рассказе уделяется Абу Бакру. Он занимал значительное положение среди арабов, был первым мужчиной, поверившим в пророческую миссию Мухаммеда (здесь прп. Феофан расходится с мусульманской традицией), находился с ним в родстве и был избран им наследником после себя (последний пункт ясно указывает, что мусульманские источники прп. Феофана были суннитскими — шииты³² оспаривали легитимность преемства Абу Бакра, хариджиты³³ восставали против самого принципа правления курейшитов³⁴). Это внимание обусловлено значением фигуры Абу Бакра в глазах прп. Феофана как первого

³¹ *Leevan J. Mohammed And His Jewish Contemporaries // The Jewish Quarterly Review. Vol. XVI, 1925—1926. P. 399.*

³² Шиизм — одно из главных течений ислама. Зародилось из движения политических сторонников Али — приемного сына, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. Они считали, что халифом должен был быть по праву Али, а Абу Бакр — узурпатор. Впоследствии культ Али, а также двух его убитых сыновей — Хасана и Хусейна — оказал значительное влияние на формирование шиитской доктрины.

³³ Одно из трех ранних течений в исламе. Произошло от сторонников Али, отделившихся от него после того, как тот прекратил борьбу с Муавией. Хариджиты выступали за равенство, требовали, чтобы халифы избирались за личные качества, а не по принципу родо-племенной принадлежности.

³⁴ Племя, населявшее Мекку, из которого произошел Мухаммед. Первые халифы также принадлежали к этому племени.

арабского правителя, развязавшего войну против Византии и всего немусульманского мира.

Далее преподобный вводит периодизацию истории зарождения и становления ислама, выделяя в ней три периода: тайный, военный и открытый. В общем, той же схемы (мекканский период — мединский — всеобщий) придерживаются и современные исламоведы. Им отмечается особая роль г. Ясриба (Медины) в укреплении ислама. Указывается, что ислам изначально распространялся с помощью войны — впоследствии классический антимусульманский аргумент у византийцев.

Информация о Мухаммеде, приводимая прп. Феофаном, очевидно заимствована большей частью из мусульманского источника, причем суннитского. Начиная с рассказа о происхождении Мухаммеда и до указания этапов становления ислама в Аравии излагаемые сведения во многом совпадают с «Сиратом» Ибн Хишама (ум. 834 г.) настолько, что эта часть рассказа прп. Феофана даже повторяет в миниатюре структуру «Сирата»!

«Сират» Ибн Хишама составлен был после «Хронографии» и источником для нее быть не мог. Однако сочинение Ибн Хишама во многом зависело от более раннего, не сохранившегося до наших дней «Сирата» Ибн Исхака (ум. 767 г.) и, вероятно, именно это сочинение через посредство неизвестного нам восточного православного источника было основным источником для прп. Феофана по биографии «арабского лжепророка». Незначительные вариации легко могут объясняться как личными искажениями передатчика, сообщившего прп. Феофану «историю Мухаммеда», так и, возможно, более ранними вариантами самого «Сирата», который до нас дошел лишь во фрагментах, цитируемых более поздними арабскими авторами. Именно благодаря этому знакомству прп. Феофан, никогда не бывший в халифате и говоривший лишь по-гречески, дает в некоторых случаях более точные сведения, чем прп. Иоанн Дамаскин, который вырос среди арабов, разговаривал и читал на арабском.

Некоторые значимые отличия от мусульманского текста —

активная роль Мухаммеда в женитьбе на Хадидже, определенное поведение Мухаммеда во время «ниспосылания откровений» как приступов эпилепсии, проповедь Хадиджи соплеменникам и др., — не содержат самостоятельных сведений, достаточных, чтобы предположить их независимое происхождение, и являются осмыслением автора-христиана сведений мусульманских источников. Отдельные, излагаемые прп. Феофаном сведения, отличаются от общепринятой мусульманской схемы. В частности, он говорит о девяти, а не о трех годах тайной проповеди, смерть Мухаммеда относит к 622 году, то есть на десять лет раньше срока, приписанного мусульманской традицией.

В конце своего рассказа прп. Феофан несколько слов посвящает вероучению ислама, подробно останавливаясь лишь на учении о рае. Информация о рае в «Хронографии» совпадает со сведениями прп. Иоанна Дамаскина о трех реках, но в остальном оригинальна: и о совокуплении с женщинами, отличными от земных, и о представлении, что «убивающий врага или врагом убиваемый входит в рай»³⁵.

То, что прп. Феофан лишь кратко говорит о вероучении ислама, упоминая «прочие подобные нелепости», вероятно, следует понимать как ссылку на прп. Иоанна, который как раз напротив исторические моменты ислама упоминает лишь вскользь и по случаю, а больше внимания уделяет вероучению и обрядовой практике. Видимо, прп. Феофан рассматривал приводимые им сведения прежде всего как дополнение к известной работе Дамаскина, поскольку и в вопросе вероучения он говорит только то, чего нет у последнего.

Помимо сведений, описанных в этой главе, прп. Феофан дает немало иных известий об исламе в дальнейшем тексте «Хронографии», в основном при описании истории арабского халифата.

³⁵ Еще до него Феодор Абу Курра указывал в одном из своих диалогов на эту основу и стимул священной войны, но прп. Феофан, несомненно, не был знаком с его сочинениями.

Мы попытаемся вычлениить и систематизировать их, указывая в скобках год, под которым то или иное сведение содержится в сочинении прп. Феофана.

4. СВЕДЕНИЯ ОБ ИСЛАМЕ

а. Вероучение ислама

Прп. Феофан описывает, как халиф Омар, «с сатанинским лицемерием» войдя в Иерусалим, просил у св. Софрония посмотреть иудейский храм, построенный Соломоном (627)³⁶. Очевидно, этот интерес был продиктован легендарной историей мираджа, вознесения пророка Мухаммеда на небеса, одним из элементов которой было моление его во главе сонма пророков на крыше не существовавшего уже много столетий к тому времени Иерусалимского храма.

В другом месте, приводя инцидент с Юстинианом II, нарушившим мир с арабами, прп. Феофан цитирует слова арабов: «Бог будет Воздаятелем и Судией виновному» (683). Это свидетельствует о мусульманском учении о едином Боге — Судие и Воздаятеле, косвенно также предполагает идею грядущего Божьего Суда.

б. Исламский ритуал

Как никто другой в его время, прп. Феофан осведомлен о мусульманских обрядах и ритуальной стороне ислама, с чем знакомит читателя по мере необходимости.

Так, он упоминает праздник Ид аль-Фитр, называя его «днем идоложертвования» (623). Сообщает, что у мусульман существует пост (765), имеются культовые сооружения, которые

³⁶ В скобках мы будем указывать год, под которым в «Хронографии» дано то или иное упоминание.

прп. Феофан называет «домы богохулия» (798). Мекка упоминается как религиозный центр мусульман — «рассадник их злохуления» (746). Ритуальный запрет на употребление свинины явствует из упоминания осуществленного мусульманами истребления свиней в Сирии (686). Также у мусульман есть священные реликвии — описывается, что халифы обладали «символами своей проклятой власти: шапкой и сандалиями лжепророка Мухаммеда» (746).

в. Внутримусульманские разделения

Прп. Феофан был сравнительно хорошо осведомлен с внутримусульманскими религиозными разделениями, течениями и сектами.

Он описывает начало отделения шиитов от суннитов, говоря, что между сарацинами возникла распря: некоторые были за Али, зятя Мухаммеда, другие же желали Муавию (647). Затем «Али был коварно убит» (651). В дальнейших упоминаниях шиитов и их вождей прп. Феофан подразумевает их особую преданность Али и его дому.

Также прп. Феофан упоминает, что возникла «арабская секта хариджитов», с которой сражался Муавия (652), описывает восстание хариджитов, возглавляемое Дахаком (736), свидетельствует, что христиане были ненавидимы ими (758), и определяет их как «зилотов».

Говоря о шиитском восстании ал-Мухтара, прп. Феофан пишет, что «Мухтар лжец в Персии объявил себя пророком, арабы пришли в беспокойство» (674), позднее халиф послал полководца в Персию «против Мухтара лжепророка и тирана» (678). Ал-Мухтар был правоверным шиитом, которого, впрочем, в период побед простолюдины, составлявшие его армию, превозносили как большего, чем простого смертного. После его гибели суннитские официальные власти, желая опорочить его имя, распространили сведения, подтвержденные его женами, что ал-Мухтар

якобы провозгласил себя пророком³⁷. Именно эта версия и попала к прп. Феофану.

Прп. Феофан упоминает также о разделениях на секты внутри шиитов: «некоторые из черноризых персов секты волхвования, дьявольскою прелестью ослепленные, продали свое имение, и голые взошедши на стены, низверглись, думая, что они летят прямо в небеса, и падши на землю, сокрушили свои члены. Начальников сего обмана Абдаллах приказал Селиму казнить смертью» (750). «В Давеке возмутились некоторые черноризцы, назвали Богом сына своего первого советника и распространили это заблуждение» (752).

г. Притеснения христиан

Прп. Феофан описывает последовательные и все усиливающиеся притеснения христиан со стороны мусульман, возводя это как к первоисточнику к самому «лжепророку Мухаммеду», который «умер, поставив четырех эмиров для войны против христиан» (623).

Занявши Иерусалим, мусульмане пытались безуспешно строить мечеть, но постройка каждый раз рушилась. Халиф Омар принял совет от иудеев, что это из-за креста, находящегося на горе Елеонской, снес этот крест и многие другие (635).

Халиф Омар II запретил ввоз вина в город и принуждал христиан к отречению от Христа: отвергавшихся оставлял без подачек, приверженных убивал и многих соделал мучениками, узаконил также не принимать свидетельства христианина против мусульманина. Он отправил догматическое послание к царю Льву, чтобы склонить его к отступлению (710).

От некоего иудея халиф Язид II был научен, что будет править долго, если уничтожит в христианских храмах иконы, и обнаружил учение против икон (715). Интересно, что прп. Феофан

³⁷ *Большаков О. Г. История Халифата. Т. III. М., 1998. С. 254.*

описывает неприемлемость икон не как учение, имеющее мусульманские корни, но как учение, возникшее в позднее время среди мусульманских правителей под влиянием иудаизма.

Халиф Исам избил всех пленных христиан во всех городах его владычества, «причем пострадал и блаженный Евстафий, сын знаменитого патриция Марина. Несмотря на все принуждения, он не отрекся от истинной веры и в знаменитом месопотамском городе Харране оказался истинным мучеником, где святые мощи его благодатию Божиею производят исцеления, но и многие другие в мученичестве пролили кровь за Христа» (732).

Халиф Валид «приказал отрезать язык святейшему митрополиту Петру Дамаскскому за то, что он торжественно обличал нечестие арабов и манихеев, и сослал его в заточение в счастливую Аравию, где он до конца жизни свидетельствовал о Христе и ясно исполнял божественную литургию» (734).

Аббасиды, придя к власти, «убили многих христиан как родственников прежней династии, хитростью захватив их в Антипатриде» (743).

Арабы по ненависти изгнали Феодора Александрийского по подозрению в шпионаже в пользу Византии, «впрочем, сам Салим назначил местом изгнания его родину. Тот же Салим приказал не строить новых церквей, не ставить крестов и не говорить с арабами о христианской вере» (748).

«Эмир Абдаллах причинял величайшие бедствия христианам, которые жили под владычеством его: он приказал снять кресты с церквей, запретил всенощные бдения и учиться своей грамоте» (758). Также он приказал класть клейма на руках христиан и иудеев (765).

д. Положительное отношение к христианам

Будучи для средневекового историка максимально объективным, прп. Феофан упоминает также случаи положительного отношения к христианам со стороны мусульманских правителей, хотя

они и явно составляют диспропорцию к упомянутым выше примерам гонений.

Халиф Муавия «из усердия к христианам» восстановил разрушенную землетрясением церковь в Эдессе (670). Халиф Исам «полюбил сирийского монаха по имени Стефан, человека необразованного, но благочестивого», и позволил после сорокалетнего перерыва поставить на Антиохийскую кафедру патриарха (734). Халиф Марван скончавшегося Стефана Антиохийского «всемирными грамотами приказал иметь в почтении всем арабам, потому что сей патриарх был украшен духовными дарами, особенно даром целомудрия» (736). Также Марван «убил в темнице Аббаса, пролившего много крови христианской» (736).

5. ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ИСЛАМА

Распространяющееся могущество арабов было предвещено небесным знаменем: явлением «звезды в виде меча» (кометы) (624).

Мусульмане называются «ненавистниками Христа» (635), «отверженниками Христа» (664), по отношению к мусульманскому правителю употребляются эпитеты «враг Христов» (709), «богоборец» (800). Именно эти эпитеты под влиянием прп. Феодана будут повторять впоследствии большинство византийских хронистов в применении к арабам.

Присутствует в «Хронографии» также традиционное для полемической литературы противопоставление богоугодности христианства богоотверженности ислама. Показывается это фактически, через безуспешность попыток арабов захватить главный город православной империи. Описывая страшное поражение арабского флота после неудачной осады Константинополя, преподобный пишет, что таким образом арабы «на опыте узнали, что град сей хранит Бог и пресвятая Дева Богоматерь... и нет совершенного оставления Божия на призывающих Его по истине, хотя мы на короткое время и наказуемся за грехи наши» (709).

Другая тема — истинность христианства перед лицом ислама, свидетельствуемая устами мучеников. В дальнейшем это получит значительное развитие как в византийской агиографии, так и в полемической литературе, скажем, в «Сказании о мучениках Аморийских» Еводия.

Прп. Феофан под 734 годом пишет о св. Петре Маюмском, что тот «сделался добровольным мучеником за Христа. Однажды, одержимый болезнью, призвал он к себе начальников арабских, как друзей своих, потому что при взимании податей он исполнял должность писца, и говорил им: за посещение ваше получите вы мзду от Бога, хотя вы друзья неверные, но хочу вас иметь свидетелями следующего моего заветания: всякий, неверующий в Отца, Сына и Святого Духа, в единосущную и живоначальную во единстве Троицу, слеп душою и достоин вечного наказания. Таков и Мухаммед, лжепророк ваш и предтеча антихриста. Итак, отстаньте от его бредней и поверьте мне, свидетельствующемуся небом и землей. Желаю ныне, как друг ваш, чтобы вы не подверглись вместе с ним наказанию». Сначала арабы думали, что он повредился рассудком от болезни, но после, когда он продолжал восклицать: «анафема Мухаммеду и бредням его и всем верующим в них», то был «изрублен мечом и оказался мучеником». Преподобный упоминает, что об этом писал прп. Иоанн Дамаскин в специальном слове. Это сочинение, насколько нам известно, не сохранилось.

Другая полемическая тема: духовное бессилие мусульман перед лицом подлинной духовной реальности христиан. Мусульманский полководец Хумеид хотел разломать раку свт. Николая Мирликийского, но по ошибке разломал чужую, за это его постигла кара: на обратном пути флот его погиб в буре, а сам он едва спасся, признав силу святого (800).

Все упомянутые случаи — это полемика, исходящая из исторических фактов, а не рациональных аргументов. В этом выражается специфичность полемики этого жанра византийской литературы.

Еще одна любопытная линия «Хронографии»: обвинение в мусульманском происхождении критикуемых идей как аргумент в богословской византийской полемике. Прп. Феофан последовательно проводит эту линию в отношении иконоборчества.

Прп. Феофан сообщает, что от некоего иудея халиф Язид II был научен, что будет править долго, если уничтожит в христианских храмах иконы. Он обнародовал учение против икон, но умер в том же году, и это не получило большого распространения. Некий Висир, христианин-сириец, перешел в ислам, а затем прибыл в Византию, где оказался близок ко двору и был соучастником царя Льва в деле иконоборчества (715). Таким образом Лев «усвоил себе мнения сарацин». Кроме отрицания икон, «проклятый ругался над мощами, как делают учителя его арабы» (718). И вообще Лев причинял православным такие притеснения, каких и арабы не причиняли восточным христианам (723).

Этот метод пользовался успехом. Известно, что сами члены иконоборческого собора обвиняли прп. Иоанна Дамаскина в «сарацинномудрии».

Как справедливо замечает А.-Т. Хури, сдержанность прп. Феофана сильно контрастирует с тем, что из этих слов разовьют его последующие продолжатели³⁸. Прп. Феофан не сообщает ни одного неверного сведения об исламе. Характерно, что он не допускает никакой возможности участия в возникновении ислама каких-либо духовных сил (даже демонических): это порождение стечения обстоятельств и сочетания заблуждения и злой воли отдельных людей. Ислам равно называется в отрывке и «религией», и «ересью». Это свидетельствует, что в то время эти слова не несли еще такого различия, как впоследствии.

Более того, прп. Феофан заключает свой отрывок тем, что отмечает два положительных момента в вероучении ислама: заповедь о сострадании друг другу и о помощи несправедливо обижаемым. Это уникальный случай объективности и беспристраст-

³⁸ *Khoury 1969. P. 110.*

ности, и вплоть до свт. Григория Паламы из-под греческого пера не выйдет более ни одного доброго слова о религии арабов³⁹. Это разрушает привычные стереотипы о предвзятости и тенденциозности византийских полемистов с исламом.

Небольшой, но чрезвычайно емкой антимусульманской главой прп. Феофана будут широко пользоваться последующие византийские полемисты с исламом. Ее возьмет за основу Георгий Амартол⁴⁰, через посредство которого с основными мыслями и сведениями прп. Феофана познакомятся многие полемисты как Византии, так и славянского мира, будет она использована Феодосием Мелитинским⁴¹, Львом Грамматиком⁴², Константином Багрянородным⁴³ и Георгием Кедрином⁴⁴. Кроме упомянутых, и другие византийские хронисты будут использовать те же эпитеты по отношению к арабам и так же описывать мусульман, как и прп. Феофан в своей «Хронографии».

ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОФАН ИСПОВЕДНИК
ОТРЫВОК ИЗ «ХРОНОГРАФИИ»,
ПОСВЯЩЕННЫЙ МУХАММЕДУ⁴⁵

В этот год скончался Мухаммед, вождь и лжепророк сарацин, заранее избрав на правление своего родственника Абу Бакра. И когда в то время прошел слух об этом, все устремились.

³⁹ См.: *Δογματικά και ἐπιστολαὶ γραφεῖσαι κατὰ τὰ ἔτη 1348—1358 / Προλογίζει Π. Κ. Χρήστου, ἐκδίδουσι Χρήστου Π. Κ., Φανοῦργάκης Β. Δ. Ψευτογκᾶς Β.* 1988. Σ. 120—141. Рус. пер.: *Свт. Григорий Палама. Письмо своей Церкви / Игумен Иоанн (Экономцев).* Православие, Византия, Россия. М., 1992. С. 215—221.

⁴⁰ *Georg. Chronogr. Chronicon.* P. 697:9 sqq. TLG 3043/1.

⁴¹ *Theod. Melit. Chronographia / Ed. T. L. F. Tafel.* Munich, 1859. P. 105—105.

⁴² *Leo Gramm. Chronographia / Ed. I. Bekker.* Bonn, 1827. P. 153.

⁴³ *Const. VI Porphy. De administrando imperio* 14:3—10. TLG 3023/8.

⁴⁴ *Georg. Cedr. Compendium historiarum / Ed. I. Bekker.* Bonn, 1838. Vol. I. P. 738.

⁴⁵ Предлагаемый перевод с древнегреческого, выполненный Ю. В. Макси-

Заблудшие иудеи в начале пришествия его сочли, что он есть ожидаемый ими Христос, так что некоторые выдающиеся из них пришли к нему и приняли его религию (*θηρησκειαν*), отбросив боговидца Моисея. Было же их числом десять, тех, кто сделали так, и оставались с ним до самой его смерти. Увидев же, что он ест верблюжатины⁴⁶, узнали, что он не есть тот, за кого они его почитали, и находились в затруднении, что делать, а [поскольку] оставить его религию боялись, эти несчастные научили его нечестивым [мыслям] о нас, христианах; и остались с ним.

Полагаю необходимым рассказать о происхождении его: он был из одного родовитого племени, восходящего к Измаилу, сыну Авраама. Ибо Низар, потомок Измаила, провозглашается отцом всех их; он же родил двух сыновей: Мунзира и Рабия. Мунзир родил Курайша, Кяйса, Тамима и других, [нам] неизвестных. Все они жили в пустыне Мадиямской⁴⁷ и там занимались скотоводством, обитая в палатках. Были там и другие, не из этого племени, но [происходящие от] Иоктана, которые назывались йеменитами, то есть химвяритами⁴⁸. Некоторые из них торговали верблюдами их.

мовым по изданию: *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Т. I. P. 332—333 (TLG 4153/1), представляет собой часть готовящегося сборника: *Византийские полемисты с исламом. Тексты. М., ПСТБИ.*

⁴⁶ Верблюд входил в число нечистых животных по Второзаконию (14, 7). В тексте Корана действительно имеются намеки на разногласия иудеев с Мухаммедом по вопросам пищевых запретов. Коран 6.146 мусульманские комментаторы (как, например, Табари) прямо относили к отрицанию запрета употребления в пищу мяса верблюда.

⁴⁷ Идентифицируя территорию их обитания как Мадиямскую пустыню, преп. Феофан демонстрирует осведомленность в том, что это Северная Аравия, названная так в Библии (Быт. 25, 1—4; Исх. 2, 15; Суд 6, 1—8 и др.).

⁴⁸ Иоктан, к которому возводятся южноаравийские племена, — библейское имя одного из сыновей Евера (Быт. 10, 25), они названы йеменитами по византийскому географическому названию Южной Аравии — Йемен, а также химвяритами по имени одной из ветвей южноарабских племен — бану химвяр, основавшем древнее Химвяритское царство. В средневековом исламе для обозначения южноаравийских племен использовалось чаще название кахлан.

Упомянутый Мухаммед, будучи бедным и сиротою, решил поступить [на работу] к некоей богатой женщине, его родственнице, именем Хадиджа, как наемник по [уходу за] верблюдами и по торговле в Египте и Палестине. По немногом же времени осмелев, вошел в доверие к этой женщине, бывшей вдовою, и взял ее себе в жены и получил верблюдов ее и все имение. Придя в Палестину, он познакомился с иудеями и христианами. Достал же от них [там] некие писания.

[Следует добавить, что] он страдал эпилепсией. Заметив это, жена очень обеспокоилась, что она, будучи благородною, связалась с таким не только бедным, но и эпилептиком. Он же старался отвлечь ее [от этих мыслей], говоря: «я вижу некоего ангела, называемого Гавриилом, и, будучи не в силах вынести его вида, помрачаюсь и падаю». У нее же был другом некий монах, который по зловерию был изгнан и жил там, ему она рассказала все и [в том числе] имя того ангела. Этот, желая успокоить ее, сказал ей: «Истину он говорит, ибо этот ангел посылается ко всем пророкам». Она же, благосклонно выслушав слова лжестарца (ψευδοπροφήτης), поверила ему и проповедовала всем единоплеменным ей женщинам, что он есть пророк. И эта молва от жен перешла к мужьям и прежде всего к Абу Бакру, которого он и оставил на смену себе.

И в конце концов посредством войны усилилась эта ересь⁴⁹ в пределах Ясриба. Сперва девять лет [передавалась она] тайно, также десять лет посредством войны и десять лет [возвещалась] явно.

Учил он своих последователей, что убивающий врага или врагом убиваемый входит в рай⁵⁰. Раем же он называл плотскую пищу, питье и совокупление с женщинами; там реки вина, меда и молока, и женщины не здешние, но другие, и совокупление [с ни-

⁴⁹ Прп. Феофан использует ту же терминологию в отношении ислама, что и прп. Иоанн Дамаскин.

⁵⁰ См.: Коран 4.74.

ми] долговременное и наслаждение продолжительное. [Поимомо этого] и другим подобным распутством и нелепостью преисполнено [учение его]. [Однако он заповедовал также] сострадать друг к другу и помогать обижаемым.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Чичуров 1980* — *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Conrad 1990* — *Conrad L. I.* Theophanes and the Arabic Historical Tradition: Some Indications of Intercultural Transmission // *Byzantinische Forschungen* 15. 1990.
- Khoury 1969* — *Khoury A.-T.* Les Theologiens byzantins et l'Islam. Paris, 1969.